

Библиотека Коммерсантъ

крупнейшие мировые аферы

искусство обмана и обман как искусство

Александр Соловьев

**Крупнейшие мировые
аферы. Искусство обмана
и обман как искусство**

«Коммерсантъ»

Соловьев А.

Крупнейшие мировые аферы. Искусство обмана и обман как искусство / А. Соловьев — «Коммерсантъ»,

Эта книга рассказывает о крупнейших мировых аферах и аферистах. Тюльпановая лихорадка в Голландии, Компания Южных морей в Великобритании, строительство Панамского канала – аферы, от которых пострадали экономики целых стран и тысячи людей, а также старые как мир уловки лекарей-шарлатанов и безобидные и смешные газетные утки рассматриваются в первой части книги. Во второй и третьей частях речь идет о людях, изощренный ум которых в сочетании с жаждой наживы и природным артистизмом толкал на самые немыслимые предприятия. Это и «охотники до смелых расчетов», романтики – не столько аферисты, сколько авантюристы, – и «деловые люди», дети нашего прагматичного века. В основу книги легли статьи известных журналистов ИД «Коммерсантъ», опубликованные в рубрике STORY в журнале «Коммерсантъ ДЕНЬГИ». Эта книга, написанная живым и ярким языком, будет полезна специалистам и интересна широкому кругу читателей.

© Соловьев А.

© Коммерсантъ

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть 1	10
Отрыв и падение,	10
Классическая политэкономия «мыльного пузыря»	14
Два канала	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Соловьев, Валерия Башкирова

Справочник афериста.

Крупнейшие мировые аферы

Если вы держите в руках эту книгу, значит, вы ее купили (или собираетесь купить, или взяли почитать у знакомых). Вы (или ваши знакомые) заплатили (или собираетесь заплатить) за нее деньги. А вы уверены, что здесь нет никакого подвоха? Вы уверены, что это не афера? Как знать, как знать...

(– The sting, mister...)

Вместо предисловия

Бизнес на все времена

Афера – (франц.) наживное предприятие, оборот из барышей: торговая или промысловая сделка, торговый оборот, подряд [...]

Аферист – идущий на обороты, на наживные сделки; охотник до смелых расчетов, приобретатель, стяжатель.

Даль Владимир. Толковый словарь живого русского языка. – М.: Русский язык, 1981.

Афера (от франц. affaire – «дело») – мошенничество, сомнительная сделка.

Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1981.

Подмена понятий

С тех пор как на земле появились деньги, люди стремятся их иметь – и при этом как можно больше.

Самый простой способ добиться этого – заработать, то есть продать непосредственно свой труд или продукт труда. Производство – это самый трудный (трудоемкий!) путь к богатству.

Можно продать продукт чужого труда (торговля), но в этом случае все равно придется немало потрудиться – снарядить корабли в дальние страны, зафрахтовать самолеты, дать взятки нужным людям и т. д.

Можно «продать» сами деньги (капитал), чтобы получить еще больше денег (прибыль). Но и тогда придется поработать (головой).

Производство, торговля и капитал – это честное предпринимательство, fair play. Но цель его всегда одна – сделать («наварить») как можно больше денег.

Предпринимательство. Предприятие. Дело.

В англоязычных странах «дело» называют business. По-французски «дело» – affaire. Афера.

Сегодня аферой называют в основном жульническое предприятие, а аферистами – мошенников и проходимцев. Но изначально это понятие означало вообще любое предприятие (оборот, сделку), имеющее целью наживу (наживное предприятие).

Такая «подмена понятий» обусловлена рядом причин как субъективного, так и объективного характера.

Во-первых, как в прошлом, так и сейчас, любое дело, имеющее целью наживу («оборот»), в какой-то степени ассоциируется с надувательством. С другой стороны, вокруг «деловых людей» и отпетых мошенников, как и вокруг великих предпринимателей, всегда присутствует некий ареал восхищения и уважения («Умеют же!»).

Во-вторых, грань между честным предпринимательством и надувательством очень тонка. Дело в том, что сам по себе честный бизнес – будь он хоть трижды честный, все равно занятие абсолютно безжалостное, несовместимое с понятиями «справедливость» и тем более «милость», а потому безнравственное. (Еще Маркс писал, что ради 300-процентной прибыли капиталист – если он, конечно, настоящий бизнесмен – готов на все.) Кроме того, чтобы успешно заниматься каким-либо делом, его надо любить. Чтобы заниматься бизнесом, надо любить деньги (а это – грех сребролюбия). Далее, для успеха нужно, чтобы и само дело тебя любило, то есть для успеха в бизнесе, как и на любом другом поприще, нужен талант. Талант – это новаторские идеи, а новаторство – всегда риск, а риск – это умение балансировать на грани... Да и что такое, в конце концов, бизнес, если не отъем денег одной частью населения у другой его части? В процессе этого отъема (экономического обмена) люди (и их, к счастью, большинство) предлагают взамен что-нибудь полезное (сюртук, корову, компьютер, автомобиль, яхту, возможность путешествовать, получать образование, лечиться и т. д.). Но что делать, если полезных и нужных вещей (сюртука или коровы) нет, а денег хочется? Тогда можно предложить что-нибудь бесполезное (акции сомнительной компании) или даже вредное (поддельное лекарство), пустоту («воздух») или даже то, что тебе не принадлежит, или чего нельзя продать в принципе (Эйфелеву башню, например) или чего не существует в природе (красная ртуть).

Ну, например, нельзя ли продавать не выращенные тюльпаны, а будущие, или, еще лучше, – контракты на эти будущие тюльпаны? То есть получать деньги не *после*, а *до* того, как товар произведен (тюльпаны выращены)? Чем не афера? Афера, но не в нашем сегодняшнем понимании, потому что никакого жульничества тут нет, а есть просто «болезнь роста» экономики, которую потом научатся лечить при помощи страхования фьючерсных сделок.

Разве Джон Ло, едва не разоривший Францию, был аферистом? Он был просто новатором. Но и человеком дела. Разве при создании Компании Южных морей имел место чей-то злой умысел? Нет, просто появился акционерный капитал – новая форма ведения бизнеса. Разве эпопею со строительством Суэцкого канала (не путать с Панамским!) можно назвать аферой? Это же подвиг! Великое дело, смелое предприятие. Афера в старом смысле слова.

Есть такие «дела», которые, хотя и приносят наживу, делаются не ради нее. Мистификациями, дезинформацией читателей, подделкой картин старых мастеров часто занимаются просто из любви к искусству (в последнем случае – в прямом смысле). Это аферы?

Есть, конечно, и бесспорные случаи, когда имеет место преступный умысел, когда в основе «дела» лежит циничный расчет, а само оно проворачивается исключительно ради денег. При этом либо нарушаются существующие законы, либо используются «дыры» в законодательстве. И если, с одной стороны, афера граничит с честным бизнесом, то с другой – с самой банальной уголовщиной, от которой ее отличает разве что «красота игры». Ведь и ограбление банка, если оно организовано с блеском и фантазией, можно назвать аферой. И разве знаменитая аферистка мамаша Мандельбаум по своей сути не простая торговка краденым (хотя и очень талантливая)?

Работа головой

И афера как честное (смелое!) предприятие, и афера как мошенничество отличаются от обычного преступления одной характерной чертой. Классическая афера – как правило, плод творчества одного человека, обладающего нетривиальным мышлением и огромным обаянием.

Аферисты не похожи ни на других представителей криминального мира, ни на рядовых бизнесменов. Это люди совсем другого склада. Еще бы – ведь им приходится работать головой, да еще носить маску (маскировать свои намерения).

Начнем с начала.

Обычные уголовники (люди без фантазии) присваивают чужую собственность либо с помощью грубой силы (кулаки), либо используя простейшие орудия преступления (дубина, нож, пистолет, базука и т. д.). Продвинутое в техническом отношении аристократы преступного мира полагаются на ловкость рук (карманные кражи) или примитивные приспособления (бритвы, фомки и т. д.). Но все те, кто таким образом тайно или явно, при свете дня или под покровом ночи ворует, тащит, тянет, лямзит, грабит и т. д., никак не маскируют своих намерений и не пытаются выдать «пороса за караса». Хулиганы, грабители, домушники, карманники, форточники и борсеточники отнимают деньги у честных граждан либо без их ведома, либо не интересуясь их мнением, либо просто с ним не считаясь. Как говорится, было бы желание, а согласия жертвы никто не спрашивает.

Воры и грабители могут прятать лицо под маской или действовать тайно, но они не скрывают и не маскируют своих намерений. Иными словами, они лишают своих жертв собственности, но не лгут.

Есть и такие формы отъема денег у населения, которые на первый взгляд не связаны с насилием и происходят не под покровом ночи. Есть «артисты», способные использовать магнетизм слов и взгляда, а также просто умение отвлечь наше внимание (цыганки, гадалки, карточные шулеры, баптисты, мунисты, финансовые консультанты и т. д.). Казалось бы, все открыто – жертва видит и осознает происходящее, у нее есть выбор. Но на самом деле и в этом случае не обходится без насилия – насилия над волей и сознанием (внушение, гипноз, массовый психоз и т. д.). Но главное отличие этой категории грабителей от первой заключается в том, что хотя и действуют они более или менее открыто, но истинные намерения свои скрывают. Главное их оружие – ложь.

Но и это не предел совершенства. Можно уговаривать (убеждать, давить на психику, гипнотизировать) людей, чтобы они отдали деньги. А можно сделать так, чтобы денежки сами потекли в ваш карман, чтобы люди сами несли их «на блюдечке с голубой каемочкой» и еще благодарили за то, что вы согласились их взять.

Это, как говаривала Анна Дмитриева, уже «высший пилотаж». Это масштаб, это класс. Это игра по-крупному. Это афера.

Именно поэтому у настоящих аферистов пишут романы и снимают фильмы (в которых не стесняются играть лучшие актеры – от Пола Ньюмена и Роберта Редфорда до Алексея Гуськова; они знают, что зритель любит этот жанр!).

Аферистов часто окружает ореол романтики. Это происходит, видимо, по трем причинам.

Во-первых, существует такая загадочная вещь, как отрицательное обаяние.

Во-вторых, аферисты заслуживают если не любви, то по крайней мере уважения за талант, интеллект, обаяние и т. д. и т. п.

В-третьих, жертвы аферистов далеко не всегда вызывают сочувствие. И это неудивительно, учитывая, что страдают они часто не столько от аферистов, сколько от собственной жадности и глупости, от жажды легкой наживы и желания «купить на грош пятаков». Доста-

точно вспомнить два примера – из Священного Писания и истории древнего мира (неотделимой от античной литературы).

Библейский змей предложил Еве отведать запретного плода с древа познания добра и зла. Ее предупреждали, чем это может кончиться, никто не заставлял ее делать этого, у нее был выбор, и она его сделала. Последствия известны.

(Потом было другое яблоко – яблоко раздора, из-за которого началась Троянская война – чем не афера? Ведь и война в конечном счете ведется ради наживы.)

Потом был Одиссей с его Троянским конем. Что это такое, если не афера? Снаружи – блеск, красота, внутри – смерть. И у троянцев тоже был выбор – предупреждал же их Лаокоон! Но конь был так хорош...

И наконец, жертвами афер часто становятся не отдельные люди (или множество людей), а компании и даже целые государства.

Остап Бендер, как известно, знал примерно 400 сравнительно честных способов отъема денег у населения. Нечестных, наверное, намного больше, но сын турецко-подданного и потомок янычаров чтит уголовный кодекс. Масштабы его бизнеса были, в общем-то, весьма скромными – всего-навсего миллион, заработанный, так сказать, на работе с физическими лицами. Корейко работал с куда большим размахом – он крал у государства.

Бизнес-структуры и власть не вызывают у населения (особенно российского, привыкшего считать, что всю жизнь его грабят власть имущие и олигархи) особого сочувствия. И аферист, сумевший надуть компанию (государство), становится в глазах обывателя таким Робин Гудом.

Но все-таки не следует забывать о том, кто был первым аферистом в истории.

Цветочная лихорадка в Голландии, учредительская лихорадка в Англии, золотая лихорадка в Америке, бриллиантовая лихорадка в Африке ... «Мыльные пузыри» и торговля «воздухом», продажа Эйфелевой башни и Букингемского дворца, хищения, растраты, торговля инсайдерской информацией, мистификации и газетные утки... История человечества знает великое множество самых разных афер. Они столь же разнообразны, как бизнес, как люди, как сама жизнь.

О чем эта книга?

Эта книга – попытка рассказать если не обо всех (это невозможно сделать в одной книге), то хотя бы о самых выдающихся, грандиозных «свершениях», делах и «темных делишках», а также о самых известных аферистах – «охотниках до смелого расчета», авантюристах, откровенных мошенниках и преступниках. Это «справочник афериста», предназначенный, конечно же, не для аферистов, а для всех, кто интересуется «занимательной экономикой» и не хочет сам пострадать от жуликов.

В книге три части.

В первой из них («Темное дело») рассказывается об аферах, их экономических причинах и предпосылках. Это, так сказать, идеи, фабулы, бродячие сюжеты, по которым осуществлялись сотни и тысячи крупных и мелких жульничеств и мошенничеств. Мы постарались представить на суд читателей коллекцию самых масштабных афер, имевших место в разных странах и отраслях экономики. Для удобства читателя рассказ о каждой афере снабжен краткой информацией о месте и времени совершения аферы, «составе преступления», его масштабах и действующих лицах. Отдавая дань моде, мы также попытались классифицировать аферы по субъекту и объекту – business to business (B2B), people to people (P2P), people to state (P2S) и т. д.

Во второй и третьей частях книги речь пойдет об аферистах.

Во второй части («Охотники до смелых расчетов (романтики)») рассказывается о делах и свершениях представителей разных стран и народов, «творивших» не столько ради наживы, сколько из любви к искусству, – об аферистах-романтиках, которыми двигал не столько трез-

вый расчет, сколько гениальная идея. Большинство из них жили в прошлом. Многие умерли в нищете.

В третьей части («Люди дела (прагматики)») мы поговорим о тех, для кого афера – точная наука, о циниках и прагматиках. Часто такие люди быстро добиваются успеха, также быстро разоряются, потом снова всплывают на поверхность. Помимо всего прочего, обвинить их можно еще и в том, что они лишают свое «дело» того, что отличает их от обычного криминала, – своеобразной красоты, изящества, а иногда и благородства. Что поделаешь, они – дети своего (нашего) времени. Многие из них сегодня коротают дни в местах лишения свободы.

* * *

Пока вы будете читать эту книгу, в мире произойдут сотни и тысячи афер. Вот и сейчас кто-то наверняка пытается обдурить кого-то.

И можно сколько угодно задавать риторические вопросы из серии «Что делать?», «Кто виноват?» и «Куда смотрит государство?». И можно давать советы читателям, как уберечь свои карманы, вроде того, который дал когда-то Кузьма Прутков: «Бди!»

Да только зачем?

Все равно ведь облапошат!

Валерия Башкирова.

Часть 1

Темное дело

Отрыв и падение, или Тюльпаново-финансовый кризис

Место действия: Голландия.

Время действия: XVII век.

Corpus delicti: биржевая торговля тюльпановыми «фьючерсами».

Масштаб: национальный.

Действующие лица: практически все население страны.

Тип: B2B, P2P.

Тюльпановую лихорадку в Голландии XVII века можно считать аферой в том смысле, какой вкладывали в это слово в позапрошлом веке, то есть наживным предприятием. Но когда жажда наживы охватывает буквально все население страны, когда средством наживы становится один товар, а механизмы совершения сделок никак не защищены, рано или поздно в проигрыше оказываются все.

Многие экономисты считают, что причина финансовых кризисов – отрыв сферы обращения (деньги) от сферы производства (товар) вследствие глобализации, роста и усложнения мировых финансовых потоков и появления новых банковских технологий. Впервые угроза такого «отрыва от народа и падения» возникла еще в начале XVII века «в одной отдельно взятой стране» – Голландии, которая в то время была одной из самых развитых в экономическом отношении.

Финансовая катастрофа стала следствием ажиотажного спроса на тюльпаны и зарождением «фьючерсной» торговли. Учитывая, что механизмы страхования контрактов были разработаны лишь спустя столетия, неудивительно, что от этой «торговли бумагами» пострадало практически все население страны.

Почему предметом спекуляций национального масштаба явился именно тюльпан, а не, скажем, изумруды или заморские специи и прочие колониальные товары, к которым страна мореплавателей имела практически эксклюзивный доступ? Возможно, дело в том, что в начале XVII века букет тюльпанов в гостиной голландца означал примерно то же самое, что сегодня собственная яхта или «Роллс-Ройс». Тюльпан был статусным символом. Он свидетельствовал о принадлежности к высшим слоям общества. Неудивительно, что когда луковица тюльпана оказалась по карману среднему голландцу, страну охватила лихорадка. Каждый хотел урвать свой кусок и приобщиться к богатствам тюльпанового рынка.

Но была и еще одна причина, по которой именно тюльпан стал предметом грандиозной спекуляции, разорившей одну из самых экономически развитых стран Европы. Как и большинство других декоративных растений, тюльпан попал в Европу с Ближнего Востока. Его завезли из Турции в середине XVI века. Но тюльпан обладал одной интересной особенностью. Из луковиц вырастали красивые цветки однотонной окраски, но через несколько лет она неожиданно менялась: на лепестках появлялись полосы самых разных оттенков. Сейчас уже известно, что это результат вирусного заболевания тюльпанов. Но тогда это казалось чудом. Голландский

ювелир, чтобы разбогатеть, должен был сначала заплатить за алмаз огромные деньги, потом долго трудиться, чтобы огранить его, а потом еще с прибылью продать камень. Владелец одной-единственной тюльпановой луковицы мог в один миг стать владельцем нового, неповторимого сорта, который можно было продать на тюльпановом рынке в несколько раз дороже.

Тюльпан был хорош тем, что его полосатые сорта идеально соответствовали потребностям самого дорогого сегмента рынка – такие цветки были редкостью и продавались по очень высокой цене, тогда как основная масса дешевых желтых, розовых и красных тюльпанов удовлетворяла потребности покупателей, принадлежащих к среднему классу.

В 1612 году в Амстердаме был опубликован каталог *Florilegium* с рисунками 100 разновидностей тюльпанов. Новым символом преуспевания заинтересовались многие европейские королевские дворы. Тюльпаны подскочили в цене. В 1623 году луковица редкого сорта *Semper Augustus*, пользующегося большим спросом, стоила 1000 флоринов, а в разгар тюльпанового бума в 1634–1636 годах за нее платили до 4600 флоринов. Для сравнения: свинья стоила 30 флоринов, корова – около 100.

Третьей причиной тюльпанового бума стала чума 1633–1635 годов. Из-за высокой смертности возникла нехватка рабочих рук и, соответственно, выросли зарплаты. У простых голландцев появились деньги, и, глядя на тюльпановое безумие богатых, они начали вкладывать их в собственный тюльпановый бизнес.

Наконец, тюльпаны – растения сезонные. До тюльпанового бума ими торговали с мая (когда луковицы цветов выкапывали) по октябрь (тогда их сажали, а зацветал тюльпан следующей весной). Но поскольку спрос катастрофически превышал предложение, в мертвый для тюльпановых дилеров зимний сезон началась торговля рассадой. Риск для покупателя, конечно, был, но и стоила рассада дешевле. Рискнув и купив будущие тюльпаны в ноябре или декабре, весной можно было продать их на порядок или даже на несколько порядков дороже. А отсюда уже всего один шаг до «фьючерсных» сделок, и этот шаг был тут же сделан. В конце 1635 года тюльпаны стали «бумажными»: большая доля их «урожая» 1636 года продавалась по «фьючерсным» контрактам.

Что случилось дальше, наверное, уже понятно. Началась спекуляция контрактами как любыми другими ценными бумагами.

Регулярные тюльпановые торги велись на фондовой бирже Амстердама. А в провинции – в Роттердаме, Харлеме, Лейдене, Алкмаре и Хорне – в тавернах создавались импровизированные тюльпановые биржи – коллегии. На них занимались, по сути, тем же, чем и на главной амстердамской бирже, – спекуляцией «бумажными» тюльпанами. Был даже разработан особый ритуал торговли ценными бумагами. Например, потенциальному покупателю запрещалось называть свою цену, он мог только намекнуть, что не прочь купить данный контракт. После этого один из продавцов вставал из-за стола и они вдвоем уединялись в задней комнате таверны. Если они не договаривались, то по возвращении в общий зал платили небольшую сумму всем остальным в качестве компенсации за срыв возможной сделки. Но торги не останавливались, и новая парочка удалялась в отдельную комнату. А компенсация тут же тратилась на выпивку для всех почтенных брокеров, так что торги, надо думать, проходили весело. Если же сделка заключалась, то по возвращении из кабинета продавец и покупатель выставляли всем присутствующим магарыч и по обычаю плескали на всех пивом и водкой.

В 1636 году тюльпаны стали предметом большой биржевой игры. Появились спекулянты, не боящиеся перекупать «бумажные» цветы в течение лета, чтобы продать их еще дороже следующей весной перед началом сезона. Современник описывал сценарий подобных сделок так: «Дворянин покупает тюльпаны у трубочиста на 2000 флоринов и сразу продает их крестьянину, при этом ни дворянин, ни трубочист, ни крестьянин не имеет луковиц тюльпанов и иметь их не стремится. Так покупается и продается больше тюльпанов, чем их может вырастить земля Голландии».

Цены росли как на дрожжах. Луковицы тюльпанов Admiral de Maan, стоившие 15 флоринов за штуку, продавались спустя два года уже по 175 флоринов. Цена сорта Centen с 40 флоринов подскочила до 350, за одну луковицу Admiral Liefkin платили 4400 флоринов. Задолжествующим рекордом была сделка в 100 тыс. флоринов за 40 тюльпановых луковиц.

Чтобы привлечь людей небогатых, продавцы начали брать небольшие авансы наличными, а в залог шло имущество покупателя. Например, стоимость луковицы тюльпана Viceroy составляла «2 лоуда (2,25 кубометра) пшеницы, 4 лоуда ржи, 4 жирные коровы, 8 жирных свиней, 12 жирных овец, 2 меха вина, 4 бочки пива, 2 бочки масла, 1000 фунтов сыра, кровать, шкаф с одеждой и серебряный кубок» – всего добра на 2500 флоринов. Художник Ян ван Гойен за десять луковиц заплатил гаагскому бургомистру аванс 1900 флоринов, в залог остальной суммы предложил картину Соломона ван Руйсдаля, а также обязался написать собственную.

Тюльпановая лихорадка породила легенды. Одна из них – про то, как портовый босяк, увидев входящий в гавань корабль, бросился в контору его владельца. Купец, обрадованный известием о возвращении долгожданного судна, выбрал из бочки самую жирную сельдь и наградил ею оборванца. А тот, увидев на конторке луковицу, похожую на очищенный репчатый лук, решил, что селедка – это хорошо, но селедка с луком еще лучше, сунул луковицу в карман и отбыл в неизвестном направлении. Через несколько минут купец хватился луковицы тюльпана Semper Augustus («Вечный август»), за которую заплатил 3000 флоринов. Когда босяка нашли, он уже доедал селедку с «луком». Бедняга загремел в тюрьму за хищение частной собственности в особо крупных размерах.

А вот другая легенда. Харлемские торговцы тюльпанами прослышали о гаагском сапожнике, которому якобы удалось вывести черный тюльпан. Депутация из Харлема навестила сапожника и купила у него все луковицы за 1500 флоринов. После этого прямо на глазах у тюльпановода-любителя харлемцы бросились яростно топтать луковицы и успокоились, только превратив их в кашу. Они боялись, что невиданный черный тюльпан подорвет их хорошо налаженный бизнес. Сапожник не вынес надругательства над цветами, слег и умер.

Первый звонок прозвенел в конце 1636 года, когда производители тюльпанов и городские магистраты наконец обратили внимание на то, что торговля идет в основном «бумажными» тюльпанами. С резким увеличением количества игроков на тюльпановой бирже цены стали скакать в ту и другую стороны быстрее, чем понижался или поднимался реальный спрос. В хитросплетениях рынка могли разобраться только эксперты. Они и посоветовали в начале 1637 года снизить покупки. 2 февраля покупки фактически прекратились, все продавали. Цены начали катастрофически падать. Разорялись и бедные, и богатые.

Главные дилеры предприняли отчаянную попытку спасти положение, организовав мнимые аукционы. Покупатели начали разрывать контракты на цветы летнего сезона 1637 года, и 24 февраля главные производители тюльпанов собрались в Амстердаме на экстренное совещание. Они разработали следующий сценарий выхода из кризиса. Контракты, заключенные до ноября 1636 года, предлагалось считать действительными, а последующие сделки покупатели могли расторгнуть в одностороннем порядке, заплатив 10 % отступного. Однако Верховный суд Нидерландов, посчитавший тюльпановодов главными виновниками массового разорения голландских граждан, наложил вето на это решение и предложил свой вариант. Продавцам, отчаявшимся получить деньги с покупателей, предоставлялось право продать товар третьей стороне за любую цену, а разницу потом требовать с того, с кем было заключено первоначальное соглашение. Но покупать больше не хотел никто.

Правительство поняло, что нельзя винить в тюльпановом безумии какую-то определенную категорию граждан. Виноваты были все. По всей стране работали специальные комиссии, разбиравшие споры по тюльпановым сделкам. В итоге большинство продавцов согласилось получить по 5 флоринов из каждых 100, что полагались им по контрактам.

Трехлетний застой в других, «нетюльпановых» областях голландской экономики дорого обошелся стране. Некоторые потом даже сочли, что именно в период тюльпанового безумия главный конкурент – Англия – сумел перехватить многие исконно голландские рынки за границей. Так это или нет, но потрясение, которое пережила Голландия в XVII веке, вполне сопоставимо с дефолтом 1998 года.

Однако конец у этой истории все-таки хороший: механизмы фьючерсной торговли исправно работают во всем мире, а Голландия и поныне считается страной тюльпанов, и масштабам голландского цветочного бизнеса можно только завидовать.

Классическая политэкономия «мыльного пузыря»

Место действия: Англия.

Время действия: XVIII век.

Corpus delicti: учредительская лихорадка, спекуляции акциями, «мыльные пузыри».

Масштаб: национальный.

Действующие лица: Компания Южных морей, Банк Англии, парламент и практически все население страны.

Тип: B2P, B2S.

В англоязычных странах «дутые» компании, за которыми ничего не стоит, называют «мыльными пузырями». Сегодня это понятие ассоциируется прежде всего с доткомами и бумом электронного бизнеса начала XXI века. Но «мыльный пузырь» – штука очень долговечная. Появились они дав но, – собственно, тогда же, когда возникли акционерные компании, то есть произошел отрыв капитала от производства и управления от собственности. Не случайно классический пример «мыльного пузыря» – Компания Южных морей, созданная в начале XVIII века в стране классического капитализма – Англии.

В феврале 1709 года британское судно под командованием Роджера Вуда причалило к берегам необитаемого острова Мас-а-Тьерра в Тихом океане, в 700 км от побережья Южной Америки. Здесь, к своему изумлению, моряки обнаружили некоего Александра Селкирка, высаженного на остров в сентябре 1704 года после ссоры с капитаном. В 1711 году Селкирк прибыл в Лондон, где его история быстро получила широчайшую известность, обросла самыми невероятными слухами и вызвала огромный интерес публики к считавшейся несметно богатой Южной Америке. Граф Оксфорд (до получения титула – Роберт Харли), лидер тори, решил использовать этот интерес. В том же году несколько английских купцов основали при его покровительстве Компанию Южных морей, быстро получившую привилегии в заморской торговле, особенно с Южной Америкой.

Граф Оксфорд также покровительствовал Даниэлю Дефо, в 1719 году издавшему роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», в основу которого легла история Селкирка. Книга сразу же стала бестселлером и подогрела интерес к Компании Южных морей. Но настоящий бум начался в 1720 году, когда в парламент был внесен билль о значительном расширении сферы ее деятельности. Правление и крупные акционеры организовали шум в прессе вокруг блестящих перспектив заморской торговли. Писали, что готовится договор с Испанией, которая откроет свои колонии для экспорта английских товаров, что в Англию потекут золото и серебро. Назывались фантастические размеры дивидендов. В итоге еще до голосования в палате общин курс акций номиналом £100 подскочил до £130.

Через пять дней после вступления закона в силу (он без проблем прошел в палате общин, быстро был одобрен палатой лордов и подписан королем Георгом I) правление объявило подписку на новую эмиссию – по £300 за акцию. Вместо £1 млн, как планировалось, было собрано £2 млн. Тогда было объявлено еще об одном выпуске акций – уже по £400. За несколько часов подписка принесла более £1,5 млн.

Удивительный успех Компании Южных морей породил учредительскую лихорадку. Вдруг оказалось, что буквально за несколько часов можно сделать состояние, которое раньше потребовало бы многих лет упорного труда. Изобретательные прожектеры выдвигали всевозможные схемы, пытаясь поразить воображение потенциальных акционеров. Знатные господа боролись с прожженными дельцами за управление этими «мыльными пузырями». Принц Уэльский (будущий король Георг II) возглавил одну из таких компаний и, по слухам, заработал на

этом £40 тыс. Герцог Бриджуотер основал компанию, обещавшую вложить собранные деньги в благоустройство Лондона. За короткое время возникло до сотни «мыльных пузырей».

Одна компания собиралась переселять в Англию обезьян. Другая – создать вечный двигатель. Третья – производить древесину из опилок. Теперь это не кажется фантазией, но в то время что-то подобное могли предложить разве что шутники либо жулики, не думавшие о реальных инвестициях, а стремившиеся лишь максимально «загнать» курс акций и снять жирный навар. Всех превзошел один остроумный авантюрист, который создал компанию «для осуществления весьма выгодного предприятия, характер которого пока не подлежит оглашению». Проспект эмиссии этого финансового гения предусматривал выпуск 5 тыс. акций номиналом £100 и дивиденды в размере 100 %. Акционерам предлагалось внести скромную сумму – £2 – авансом, а остальное – через месяц, когда «будут объявлены истинные цели компании». Когда учредитель открыл подписку, его контору осадила толпа, и к концу рабочего дня он собрал £2 тыс. На следующее утро контора не открылась: ее хозяин благоразумно исчез вместе с деньгами.

Неудивительно, что очень скоро в лондонских газетах появилась масса сатирических сочинений в стихах и прозе, высмеивавших овладевшую публикой манию. Один издатель выпустил колоду карт, на которых помимо масти и достоинства были напечатаны карикатуры и эпиграммы, посвященные некоторым «пузырям». Самым видным критиком «мыльных пузырей» стал член парламента Роберт Уолпол, лидер вигов. При его деятельном участии правительство подготовило указ, которым все «мыльные пузыри» объявлялись «нарушениями общественного порядка», а маклерам под угрозой штрафа запрещалось продавать и покупать их акции. Король подписал указ в июне 1720 года, но это не помогло. Тогда коллегия лордов-судей (Верховный суд) аннулировала свидетельства о регистрации нескольких десятков компаний. Это несколько ослабило учредительскую горячку.

Тем временем в обстановке всеобщего ажиотажа быстро рос курс акций главного «пузыря» – Компании Южных морей. К концу августа он дошел до £1000. Но тут по Лондону поползли тревожные слухи. Говорили о фальсификации списков акционеров. Стало известно, что Джон Блант, председатель правления компании, и другие директора начали распродавать свои акции. Курс снизился до £900. Правлению пришлось срочно созывать собрание акционеров, на котором представители высшего руководства компании наперебой восхищались достигнутыми результатами и красочно описывали блестящие перспективы. Несмотря на бодрые резолюции собрания, на следующий день курс акций начал резко снижаться и за неделю упал до £400.

Эти события вызвали бурную реакцию в правительстве. Еще бы! К тому времени Компания Южных морей заняла столь важное место в финансовой системе и общественной жизни страны, что ее крах грозил банкротством самого государства. Получив привилегии в заморской торговле, компания предоставила правительству кредит на сумму £10 млн и взяла на себя значительную часть госдолга. С 1720 года в качестве платы за свои акции компания начала принимать государственные ценные бумаги и очень быстро превратилась в крупнейшего кредитора Англии (при этом никаких операций, связанных с реализацией торговых привилегий, компания не осуществляла). Ее неплатежеспособность рикошетом отразилась бы на финансах страны. Обманутые вкладчики тут же потребовали бы компенсировать потери за счет гособязательств, принятых компанией на баланс. И с ними уже невозможно было бы договориться об отсрочке, как это неоднократно происходило в случае с компанией.

К королю, который находился в своих владениях в Германии (он был курфюрстом Ганновера), отправили гонцов. Его просили вернуться в Англию и успокоить публику. Уолпола, который пользовался влиянием в Банке Англии и, опасаясь за свой престиж, не хотел вмешиваться в дела компании, вызвали из его поместья. Он составил проект соглашения между компанией и банком и сумел добиться его подписания. Прозаседав несколько дней подряд,

правление банка согласилось открыть подписку на 5-процентные облигации на сумму £3 млн, которые планировалось направить на санацию компании.

Сначала облигации имели успех, и, казалось, намеченная сумма будет собрана за день. Но к полудню поток желающих иссяк. Напротив, люди кинулись не только продавать акции компании, но и изымать деньги из Банка Англии. Тот выдержал напор вкладчиков, но для компании это стало началом конца. Видя бесплодность усилий, направленных на ее спасение, и опасаясь, что ураган сметет их самих, директора банка отказались от выполнения соглашения. Акции компании упали до £130, вернувшись к тому уровню, с которого начали свое восхождение.

«Парламентская история», официальный печатный орган, подвела итог: «За восемь месяцев было создано, возвысилось и пало могущественное учреждение – Компания Южных морей, которая, будучи вознесена таинственными силами на небывалую высоту, приковала к себе взоры всей Европы. Однако это здание было построено на обмане, иллюзиях, легковерии и безрассудстве, а потому рухнуло, когда обнаружилось, как ловко управляли компанией директора».

Сразу после выхода из игры Банка Англии в ряде городов состоялись собрания местных акционеров Компании Южных морей, которые приняли обращенные к парламенту петиции с требованием наказать виновных и взыскать с них потерянные деньги. Петиции можно было и не писать. Парламент и так уже начал расследование.

Члены палаты лордов, несколько месяцев назад энергично занимавшиеся учредительством и спекуляциями, теперь гневно требовали кары для виновных в крахе компании. Лорд Молсворт предложил казнить директоров, многие из которых ранее считались людьми безупречной репутации, тем же способом, которым в Древнем Риме карали отцеубийц: зашив в мешок, их бросали в Тибр. «Чем Темза хуже Тибра?» – вопрошал он. Под влиянием его речи верхняя палата потребовала от всех брокеров, связанных с ценными бумагами компании, представить данные о том, какие сделки с акциями они совершали по поручению госчиновников. Когда эти данные были получены, оказалось, что большое количество акций попало в руки канцлера казначейства (министра финансов) Эйлсби. Скандал был таким громким, что канцлер был вынужден подать в отставку и вскоре оказался за решеткой.

Так же бурно проходили заседания в палате общин. Здесь был подготовлен билль, запрещавший высшим служащим компании покидать Англию и совершать какие-либо сделки со своим имуществом. При его обсуждении один из депутатов обвинил в корыстном пособничестве директорам секретаря казначейства (заместителя министра) Крэггса. Тот гневно отверг обвинения, заявив, что готов «дать удовлетворение в палате или вне ее» любому, кто сомневается в его честности. Поднялся страшный шум, и спикер долго не мог навести порядок. В конце концов Крэггс сбавил тон, заявив, что не имел в виду дуэль, и согласился дать объяснения палате. Когда они были заслушаны, секретарь отправился туда же, куда и его начальник.

Для расследования деятельности компании нижняя палата создала секретный комитет. Его члены докладывали, что многие допрошенные всеми силами запутывали дело и уклонялись от прямых ответов. В ряде предъявленных комитету бухгалтерских книг обнаружили фиктивные записи, некоторые листы вырваны, а в некоторых записях о поступлении денег не были указаны имена плательщиков. Некоторые книги вообще бесследно исчезли вместе с казначеем компании Найтом. Переодевшись в чужую одежду, он спустился на лодке по Темзе, сел в устье на заблаговременно нанятый корабль и направился во французский порт Кале. Оттуда он перебрался в Бельгию, где все же попался в руки властей и был помещен в антверпенскую тюрьму. Английское правительство потребовало от Австрии, которой тогда принадлежали эти земли, выдачи Найта, но оказалось, что по местным законам человек, арестованный в Бельгии, мог предстать перед судом только в этой стране. Пока шла переписка между Лондоном и Брюсселем, Найт бежал из тюрьмы, подкупив стражу.

Тем не менее комитет установил, что накануне принятия закона о привилегиях руководство компании фиктивно (без оплаты) продало акции не только чиновникам, но и членам парламента. Эти сделки были признаны взятками, размер которых колебался от £10 тыс. до 250 тыс. Палата общин приняла резолюцию об аресте директоров компании и других лиц, незаконно обогатившихся на ее акциях, и потребовала от них возместить «нанесенный народу ущерб». Парламентарии, причастные к компании, были лишены депутатской неприкосновенности.

Особый случай представлял председатель правления Блант. Этот убежденный пуританин, начинавший свою карьеру простым писцом, был известен как человек аскетического образа жизни, непримиримый критик роскоши, поборник нравственности и противник партийных склок в парламенте. Так вот, при аресте у него обнаружили купчие на шесть особняков. При допросе в палате общин выяснилось, что Блант, как и другие директора, брал в компании льготные ссуды под залог своих акций, которые ему ничего не стоили. Подтвердилось также, что, когда цена достигла пика, директора тайно продали часть своих ценных бумаг. На допросе в палате лордов Блант отказался отвечать на ряд важных вопросов под тем предлогом, что уже давал на сей счет объяснения палате общин, но точно не помнит ответов, а потому может оказаться в противоречии с самим собой. Это было воспринято как косвенное признание им своей виновности. От Бланта категорически потребовали ответа, когда, по какой цене и кому из чиновников и парламентариев он продавал акции. Блант вновь отказался отвечать. Попытки разговорить пуританина ни к чему не привели, и он был отправлен в тюрьму.

По завершении следствия палата общин начала судебный процесс по делу лиц, замешанных в махинациях с акциями Компании Южных морей. Первым перед судом предстал Чарльз Стэнхоуп, один из руководителей казначейства. Обвиняемый утверждал, что сделки с акциями проводил при посредничестве Найта (тот был в бегах) и покупал их только по рыночному курсу. И хотя на счетах Стэнхоупа обнаружилось около £250 тыс., происхождение коих он не смог объяснить, палата оправдала его незначительным большинством голосов. Когда об этом узнали в городе, в разных районах Лондона собрались толпы народа, требовавшие пересмотра вердикта, так что власти всерьез боялись мятежа и погрома. В этой обстановке перед палатой предстал бывший канцлер казначейства Эйлсби.

Судебный процесс продолжался до поздней ночи. Вина Эйлсби была столь очевидна, что палата единогласно признала: «Канцлер поощрял разрушительные действия Компании Южных морей с целью извлечения большой прибыли для себя, вступил в сговор с директорами в их пагубных делах к ущербу для торговли и кредита королевства». Депутаты постановили заключить Эйлсби в Тауэр и конфисковать его имущество для возмещения потерь рядовых акционеров. (Секретарь казначейства Крэггс скончался накануне парламентского суда. Его имущество, оцененное в £1,5 млн, конфисковали.) На этот раз решение парламента было встречено взрывом восторга и быстро стало известно всему городу. Люди, с самого утра осадившие парламента и с нетерпением ожидавшие результатов голосования, жгли костры и танцевали вокруг них, как в большой праздник.

Затем палата заслушала дело графа Сандерленда, который, согласно докладу комитета, получил от компании взятку в размере £50 тыс. Граф был видной политической фигурой, и, как считали многие, его осуждение могло вызвать падение кабинета. Поэтому палата вынесла оправдательный вердикт, хотя широкая публика была твердо уверена в виновности Сандерленда. Это вновь вызвало народный гнев, но открытых беспорядков опять удалось избежать: палата оперативно решила судьбу 33 директоров компании. В общей сложности у них конфисковали свыше £2 млн с таким расчетом, чтобы каждому осталась доля имущества, пропорциональная личной вине в банкротстве компании. Хуже всех пришлось Бланту. Парламент оставил ему лишь £5 тыс. из состояния, оцененного в £183 тыс. Это решение было воспринято публикой на ура. При этом никому так и не пришлось в голову искать причины случившегося

в собственном легковерии и алчности. По всеобщему представлению, рядовые англичане во всей этой истории остались такими же честными тружениками, ограбленными бандой стяжателей, которых надо повесить, колесовать, четвертовать...

Разумнее других с самого начала действовал Уолпол. Как только началось следствие, он стал настаивать на том, что ликвидация нанесенного ущерба и восстановление общественного кредита важнее наказания виновных. Вспоминая великий лондонский пожар 1666 года, практически уничтоживший средневековый город, он говорил в палате общин: «Если бы Лондон горел сейчас, все благоразумные люди сначала бросились бы гасить пламя, а уж потом – искать поджигателей». Понять Уолпола можно. Незадолго до начала истории с «мыльными пузырями» он сам был изгнан из парламента и даже подвергся аресту по обвинению в коррупции. Вскоре Уолпол представил парламенту свой план ликвидации долгов Компании Южных морей, предложив поручить это дело двум финансовым гигантам того времени – Банку Англии и Ост-Индской компании. План Уолпола был утвержден, но так и не сработал. Все завершилось тем, что между акционерами были распределены наличные активы компании и конфискованные у директоров деньги. Каждому досталось меньше £30 на 100-фунтовую акцию.

Любопытная деталь. В ходе судебных разбирательств выяснилось, что в период наивысшего ажиотажа жена наследника, принцесса Каролина, сильно увлекшаяся спекуляциями с акциями Компании Южных морей, попросила Уолпола, человека, искушенного в финансах, стать ее советником. По причинам личного характера, о которых ходили разные сплетни, Уолпол не смог отказать принцессе. Управляя ее деньгами, он и сам получал неплохую прибыль. В Лондоне говорили, что, возглавив в 1721 году кабинет министров, сэр Роберт потратил часть денег, заработанных на главном «мыльном пузыре», на великолепную коллекцию произведений искусства. Впоследствии его внук продал ее российской императрице Екатерине II, которая усердно формировала из разных источников картинную галерею Эрмитажа и знать ничего не хотела о том, что творилось в Англии в начале века.

И все-таки Англия – великая страна. Из истории с Компанией Южных морей были сделаны надлежащие «оргвыводы». И хотя защитники прав человека (в тогдашнем смысле) подвергли парламентский суд резкой критике, указывая на то, что у обвиняемых не было адвокатов, все дела велись поспешно и пристрастно и порочен сам принцип коллективной ответственности, даже самые строгие критики вынуждены были признать, что публичная порка создателей и покровителей «мыльных пузырей» начала XVIII века способствовала принятию законов и моральных норм, регулирующих правила работы английских банков и акционерных компаний.

Два канала

Место действия: Франция, Египет, Колумбия.

Время действия: XIX век.

Corpus delicti: обман вкладчиков при строительстве Суэцкого и Панамского каналов.

Масштаб: глобальный.

Действующие лица: Б. П. Анфантен, Ф. М. де Лессепс.

Тип: P2S.

Если новые и очень рискованные начинания заканчиваются провалом, их называют авантюрой или аферой. Если они увенчиваются успехом, о них говорят как о великих свершениях. Строительство Суэцкого канала – великий подвиг, грандиозное свершение. Панамский канал, «Панама» – синоним аферы. Любопытно, что строительством обоих каналов занимался один и тот же человек.

Участок земной коры, отделяющий Красное море от Средиземного (а значит, Атлантический океан от Индийского), соблазнительно узок. Всего 160 км. Карибская гряда, не дающая слиться водам Атлантики и Тихого океана, в самом узком месте имеет ширину всего 45 км. Господь Бог, создавая Землю, мог без труда сделать два хирургических надреза, чтобы соединить три великих океана. Однако он предоставил такую возможность человеку. Имя этого человека – Фердинанд Мари де Лессепс.

Великие идеи привлекают сначала великих безумцев, а уже потом банкиров и предпринимателей. В 1832 году Бартеlemi Проспер Анфантен, сидя в камере парижской тюрьмы Сент-Пелажи, размышлял о том, каким образом осуществить мечту своего учителя Сен-Симона о постройке канала, соединяющего воды Средиземного и Красного морей. Конечно, сен-симонисты не были первыми, кому пришла в голову эта вполне очевидная мысль. Еще египетские фараоны пробовали соединить Средиземное и Красное моря. Наполеон Бонапарт задумывался об этом, расхаживая по средиземноморскому побережью близ Александрии и ковыряя грунт носком сапога, а его инженеры даже подготовили техническое обоснование строительства канала.

Но если Наполеон планировал сначала завоевать Египет и только потом приступить к строительству величайшей в истории человечества водной артерии, то Анфантену казалось, что для этого достаточно одного энтузиазма. И потому в 1833 году, только-только выйдя из тюрьмы, он с несколькими десятками сподвижников погрузился на корабль и отправился в Египет, рассчитывая, что правитель этой страны Мухаммед Али с радостью примет его предложение. Правитель предложение принял, однако высказался в том духе, что, мол, прежде чем приступить к выполнению столь грандиозной задачи, требуется решить более насущную для Египта проблему – укрепить устье Нила, а для этого – построить плотину. Пять лет строили ее Анфантен со товарищи, но эпидемия чумы заставила их – точнее, тех, кто остался в живых, – возвратиться в Париж.

От былого энтузиазма не осталось и следа, но идею строительства канала Анфантен не оставил. 30 ноября 1846 года он основал Исследовательское общество Суэцкого канала, членами которого стали уже не какие-нибудь мечтатели-социалисты, а известнейшие люди Франции, Великобритании и Германии – знаменитый австрийский гидротехник Алоис Негрелли, строитель железных дорог Роберт Стефенсон (сын создателя первого в мире паровоза), талантливый французский инженер Полен Талабо, немецкий банкир Дюфур-Феранс, французский предприниматель Арле-Дюфур. Довольно быстро собрав 150 тыс. франков, общество начало исследовательские работы и в течение 10 лет составило несколько проектов строительства

Суэцкого канала, а также подготовило сметы. Исследователи, кстати, развеяли бытовавшее много веков ошибочное мнение о том, что уровень Красного моря на 10 м выше уровня Средиземного и потому их соединение может привести к затоплению Венеции и Генуи (оказалось, что разница действительно есть, но она составляет всего 80 см).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.